

Я. Г. Шепель

КАПШОВСКИЙ ПУТЧ В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 12.06.2024 г.

Принята к публикации 18.07.2024 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-6

70

Для цитирования: Шепель Я. Г. Капшовский путч в Восточной Пруссии: политические последствия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №3. С. 70–80. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-6.

На основе архивных документов, материалов региональной и общегерманской прессы и личных источников рассмотрены отклики в Восточной Пруссии на Капшовский путч 1920 г., направленный на свержение законного правительства Веймарской республики. В отличие от большинства других германских земель в Восточной Пруссии путчисты были поддержаны многими представителями региональной политической элиты и бюрократии. В статье предпринимается попытка объяснить причины этой аномалии и выявить последствия поддержки путча частью местных политических акторов для дальнейшего развития провинции. Сделан вывод о том, что путч оказал заметное влияние на Восточную Пруссию, став своеобразной манифестацией постепенно назревавшего конфликта между региональной элитой и центральными властями в Берлине. Поражение путчистов и осуществленные правительством республики изменения в кадровом составе восточнопрусского чиновничества положили начало новому этапу в отношениях между столицей государства и самой восточной прусской провинцией.

Ключевые слова: Август Винниг, Веймарская республика, Вольфганг Капп, Восточная Пруссия, Капшовский путч, Кёнигсберг

Произошедший в марте 1920 г. Капшовский путч стал одним из первых политических кризисов Веймарской республики. Продлившись всего пять дней (с 13 по 17 марта), он имел важные политические последствия для первой германской демократии: изменился состав рейхстага, сменилось правительство рейха, претерпел изменения партийный ландшафт, произошли кадровые перестановки на уровне земель, в частности — в Пруссии [31, S. 191].

Историография путча довольно обширна, первые работы появились еще в 1920-е гг. [11; 27], а после 1945 г. увидели свет и серьезные исследования [18; 23]. При этом региональные аспекты истории путча не становились предметом изучения, пожалуй, за исключением Рурской области, где он перерос в локальную гражданскую войну. Интерес к этому

событию проявили и отечественные историки [3; 6], однако отклики на путч в восточных провинциях Пруссии до сих пор остаются практически не исследованными.

Цель настоящей статьи — реконструировать контекст событий Капповского путча в Восточной Пруссии, оценить мотивацию и действия его сторонников и оппонентов, охарактеризовать политические последствия. В качестве источников использованы неопубликованные архивные документы из Федерального архива Германии, материалы региональной прессы, воспоминания обер-президента Восточной Пруссии Августа Виннига.

Капповский путч в центре и на периферии

71

Организаторами путча выступили высокопоставленные военные и консервативные политики из Немецкой национальной народной партии (НННП) во главе с генералом Вальтером фон Лютвицем и Вольфгангом Каппом, поэтому в историографии события 13–17 марта 1920 г. часто называют путчем Каппа — Лютвица. Военных и гражданских, вышедших из среды консервативной буржуазии и остэльбского дворянства, объединяло неприятие Версальского договора и ненависть к демократическим завоеваниям Ноябрьской революции.

Вольфганг Капп имел тесные связи с Восточной Пруссией: в 1884 г. он женился на Маргарите Розенов, знакомство с семьей жены позволило ему войти в среду остэльбского дворянства, В. Капп также получил во владение поместье в Пильцене (округ Прейсиш-Эйлау). С 1907 по 1920 г. (с перерывом в 1916–1917 гг.) В. Капп возглавлял Восточнопрусское генеральное ландшафтное управление (*Ostpreußische Generallandschaftsdirektion*) — организацию, предоставлявшую кредиты провинциальным фермерам. Во время Первой мировой войны В. Капп занимался и политической деятельностью, в сентябре 1917 г. на собрании в Кёнигсберге он объявил о создании Немецкой отечественной партии [8]. В нее вошли такие восточнопруссские деятели, как обербургомистр Кёнигсберга Зигфрид Кёрте и ландесхауптман (глава провинциального ландтага) Манфред фон Брюннек [24, S. 117].

Однако отношение к будущему организатору путча со стороны провинциальной аристократии было довольно прохладным. Есть сведения о том, что Каппа считали сомнительным интриганом и «опасным прожектером» [24, S. 118], будущий руководитель путчистов не пользовался широкой поддержкой и среди населения, не был народным политиком. В 1919 г. у Каппа произошел конфликт и с обер-президентом Августом Виннигом [32, S. 38–39].

Утром 13 марта морская бригада Эрхардта заняла правительственный квартал Берлина. Законное правительство рейха бежало из столицы в Дрезден, а затем в Штутгарт и оттуда призвало граждан к всеобщей забастовке. Этот шаг был поддержан со стороны других парламентских партий. В условиях отсутствия поддержки со стороны чиновников и широких слоев населения путчисты довольно быстро потерпели поражение.

Исследователи сходятся в том, что в дни путча в Кёнигсберге сохранялась спокойная обстановка [22, S. 35; 28, S. 195] и население не присое-

динилось к всеобщей забастовке. В историографии без ссылок на первоисточники встречаются сведения и о том, что известие о путче вызвало в провинции «стихийный энтузиазм и демонстрации симпатий среди широких слоев населения» [24, S. 118]. Тезис о спокойной обстановке в провинции во время путча подтверждает и тот факт, что и после 17 марта в прессе нет сведений о произошедших уличных столкновениях, погибших защитниках республики или путчистах.

Видимо, в условиях отсутствия активной политической жизни местные политические игроки ограничивались тем, что выражали свою позицию с помощью символических актов. Например, о позиции того или иного чиновника можно было узнать по тому, какой флаг развевается над его ведомством: черно-бело-красный флаг кайзеровской Германии или черно-красно-золотой флаг республики [22, S. 35–36]. Единственным массовым политическим собранием в эти дни, вероятнее всего, стала торжественная смена караула перед Королевским замком 14 марта, организованная военными по дореволюционному образцу. В заметке об этом событии корреспондент писал, что над замком в тот момент развевалось «черно-бело-красное знамя нового германского республиканского правительства» и что этому примеру последовали бесчисленные города в провинции [19].

Можно выделить следующие причины подобного протекания путча в провинции. Во-первых, Восточная Пруссия в начале XX в. не славилась традициями политического радикализма — это была аграрная провинция, в которой социал-демократы стояли на довольно умеренных позициях, а независимые социалисты и коммунисты не имели большого политического веса. Во-вторых, пробудившаяся после Ноябрьской революции активность левых политических сил, например, солдат и матросов, сошла на нет после проведенной в марте 1919 г. акции по разоружению [2, с. 143–144; 5, с. 66–67]. В-третьих, жители провинции находились в информационной блокаде: из-за всеобщей забастовки в Германии отсутствовало стабильное телефонное, телеграфное и почтовое сообщение. Не ходил и железнодорожный транспорт между Кёнигсбергом и Берлином. Единственные «официальные» новости поступали из захваченного путчистами Берлина, которые в Кёнигсберге, судя по воспоминаниям А. Виннига, проходили цензуру в штабе военного округа [32, S. 75]. Например, неизвестно, дошла ли до Восточной Пруссии подписанная Ф. Эбертом листовка с призывом ко всеобщей забастовке [26].

Август Винниг — искренний сторонник путча?

Особого внимания заслуживает поведение главного восточнопрусского чиновника Августа Виннига, который в январе 1919 г. был назначен на должность имперского и государственного комиссара в Восточной и Западной Пруссии, а с августа того же года занял и кресло обер-президента Восточной Пруссии. Должность комиссара, подчиненного одновременно и правительству рейха, и правительству Свободного государства Пруссия, предполагала наличие довольно широких полномочий — от политических вопросов до вопросов снабжения. Старый социал-демократ Винниг обладал большим партийным и профсоюзным

опытом, в годы Первой мировой войны, работая в балтийских странах, он сблизился с консервативными офицерами. К моменту назначения на должность обер-президента Восточной Пруссии в 1919 г. Винниг уже имел довольно натянутые отношения с руководством СДПГ. Путч поставил точку в его чиновничьей карьере, однако позиция Виннига была не такой однозначной.

В первый день путча в ответ на вопрос журналиста кёнигсбергской газеты о том, какие последствия путч будет иметь для Восточной Пруссии, вернувшийся из Берлина Винниг коротко ответил, что «стремится обеспечить нейтральное положение провинции», а для ее жителей главное — «сохранить порядок и безопасность» [33]. На третий же день путча в «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» было опубликовано совместное заявление А. Виннига и генерала Эсторфа, в котором они признали «деятели нового правительства фактическими обладателями власти» и согласились поддерживать реализацию программы правительства Каппа [10]. Позже Винниг в воспоминаниях написал о том, как он принял такое решение. Это случилось вечером 13 марта, когда в кабинет к нему зашел офицер и сообщил, что он приглашен в штаб к Эсторфу. При встрече командующий округом объявил, что намерен поддержать правительство Каппа, зачитав Виннигу телеграммы из Берлина о том, что в столице успешно ведутся переговоры о создании коалиционного правительства и что социал-демократический полицай-президент Берлина уже вошел в состав нового кабинета. Позже Винниг вспоминал, как взвешивал все «за» и «против» и в итоге решил поддержать правительство Каппа.

Очевидно, что это решение было вынужденным. Исследователи вслед за Виннигом объясняют его тем, что обер-президент находящейся во «враждебном окружении» провинции стремился сохранить порядок накануне плебисцита в южных районах [22, S. 35; 28, S. 191]. Представляется, что свою роль сыграли и другие факторы.

Во время Первой мировой войны Восточная Пруссия стала единственной германской землей, на территории которой велись активные боевые действия. Восточным районам провинции был нанесен серьезный материальный ущерб. Согласно Версальскому договору, Восточная Пруссия оказалась отделена от основной территории Германии, была вытолкнута за пределы единого германского рынка [4, с. 229]. С началом войны также были разорваны существовавшие прежде тесные экономические связи с Россией. Воссозданные в Восточной Европе государства — Польша и Литва — активно претендовали на приграничные территории провинции, в которых проживало польскоговорящее и литовскоговорящее население. В условиях ослабления внимания со стороны правительства рейха, занятого решением множества других вопросов, население Восточной Пруссии и провинциальные элиты стали разочаровываться в политике Берлина. Один из осведомителей докладывал в ноябре 1919 г. секретарю рейхсканцелярии, что у жителей провинции усиливалась «усталость от рейха» („Reichsmüdigkeit“), им казалось, что родина оставила их на произвол судьбы [13, Bl. 12].

Между различными провинциальными и центральными ведомствами велась переписка по ключевым вопросам. Периодически проис-

ходили и личные встречи. Так 9–11 марта 1920 г. в Берлине в Министерстве внутренних дел была организована первая «Восточнопрусская конференция». В ней приняли участие представители провинциальной элиты: обер-президент и рейхскомиссар А. Винниг, обербургомистр Кёнигсберга Х. Ломайер, восточнопруссские депутаты рейхстага, главы торговых палат и т.д. Руководил совещанием сам рейхсминистр Эрих Кох-Везер, 11 марта к переговорам присоединился рейхсканцлер Бауэр, министр-президент Пруссии и трое министров прусского правительства [16, Вл. 17–18, 21–21об].

На конференции обсуждалось требование представителей провинции создать в Берлине специальное восточнопруссское представительство, подчиняющееся обер-президенту. Глава этого органа должен был также стать представителем провинции в рейхсрате, присутствовать и голосовать на заседаниях правительств рейха и Пруссии по вопросам, касающимся провинции [16, Вл. 15об]. Кроме того, они требовали расширить полномочия обер-президента, создать провинциальный экономический совет и обеспечить стабильное транспортное сообщение между провинцией и основной территорией Германии [16, Вл. 16].

Примечательно, что на конференции одним из представителей провинции был Вольфганг Капп, он посетил только первое заседание 9 марта. 11 марта ландшафтсдиректор сослался на плохое самочувствие и не пришел на заседание [32, S. 73]. В этот же день министр Носке, узнавший о готовящемся путче, отдал приказ об аресте Каппа, но тот был предупрежден и скрылся [1, с. 143]. В те дни в министерстве присутствовали и другие будущие участники Капповского путча: регирунгспрезидент Магнус фон Браун и ландесхауптман Брюннек [16, Вл. 17–18, 21–21об].

Возвращаясь к вопросу о том, что сподвигло Виннига поддержать Каппа, нельзя не обратить внимание на неудачное завершение «Восточнопруссской конференции», когда «никто не снизошел до того, чтобы нас выслушать» [32, S. 74]. В опубликованных уже в нацистской Германии воспоминаниях автор писал о Капповском путче с позиций последовательного критика республики:

«Я не могу скрыть тот факт, что мне казалось, будто нам очень повезло. Год с лишним я с нарастающим неудовольствием наблюдал за работой нового руководства, видел их беспомощность, а то и некомпетентность, месяцами сомневался в их доброй воле. Теперь позади остались три дня, которые еще раз показали мне, что это руководство не соответствует тем задачам, которые на него возложены; я не мог сожалеть о его падении, оно того заслуживало, и Капп избавил нас от него» [33, S. 294–295].

Брешь в бастионе немецкой демократии?

После завершения путча правительство Пруссии, пораженное масштабами поддержки путчистов в восточных провинциях, изменило кадровую политику, министр-президентом самой большой германской земли стал уроженец Кёнигсберга Отто Браун, а пост министра внутренних дел занял Карл Северинг. Новые люди должны были ускорить демократизацию бюрократического аппарата и наказать сторонников

Каппа. Это условие было также одним из пунктов Билефельдского соглашения, заключенного во время Рурского восстания между представителями германского правительства и Рурской Красной армии. В Восточной Пруссии местные деятели СДПГ 20 марта потребовали отпустить в отставку Эсторфа, Виннига, Брюннека, регирунгспрезидента Брауна и всех ландратов, поддержавших путч, аналогичное требование звучало и со стороны городского совета Тильзита [17; 21]. Историк Генрих-Август Винклер писал, что в ходе кадровых перестановок были созданы предпосылки для превращения Пруссии в «бастион» немецкой демократии [1, с. 154]. Однако детальное изучение хода «демократизации» в Восточной Пруссии склоняет к более умеренной оценке достигнутых результатов.

На высшем уровне провинциальной бюрократии действительно произошли громкие перестановки: 22 марта обер-президент А. Винниг подал прошение об отставке, одновременно с этим он был исключен из СДПГ [25, S. 58; 34]. Временно исполняющим обязанности обер-президента 14 апреля был назначен Эрнст Зир — уроженец Инстербурга, видный член Немецкой демократической партии, депутат рейхстага от Восточной Пруссии [25, S. 58]. Должность рейхскомиссара и государственного комиссара Восточной и Западной Пруссии 31 марта занял кенигсбергский социал-демократ Альберт Боровский [12, Bl. 14]. Таким образом, занимаемые Виннигом должности теперь были разделены между двумя чиновниками¹.

Рейхспрезидент Ф. Эберт в распоряжении о назначении А. Боровского поставил ему две задачи: во-первых, выяснить, кто из военных или гражданских поддержал путч или выступил против него, а следовательно должен быть взят под стражу или, наоборот, выпущен на свободу; а, во-вторых, назвать имена тех, кто должен быть отстранен от службы из-за своего участия в путче. В распоряжении Эберта было также указано, что все гражданские и военные чиновники провинции должны всячески поддерживать расследование рейхскомиссара [12, Bl. 14.]. Новый рейхскомиссар создал специальную комиссию по расследованию событий Капшовского путча в Восточной Пруссии. С одной стороны, в нее вошли местные политики, представлявшие партии Веймарской коалиции: редактор «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» Дюк (НДП), земельный экономический советник (Landesökonomierat) Грац (Партия Центра); с другой стороны, членами комиссии стали чиновники: судебный советник Крюгер, почтовый секретарь Лаубшат, городской архитектор Темминг [14, Bl. 184–185].

Несмотря на требование рейхспрезидента о содействии расследованию, работа комиссии А. Боровского саботировалась на местах. Например, отделение Союза почтовых работников в Тильзите на общем собрании 17 апреля приняло следующую резолюцию: «По соображениям человеческой и коллегиальной порядочности мы раз и навсегда отказываемся от любого содействия в обличении коллег. Ни при каких обстоятельствах и никогда мы не поддадимся на призывы к подобным доносам» [12, Bl. 410].

¹ О конфликте между Боровским и Зиром см: [7, с. 107].

Военнослужащие также препятствовали деятельности рейхскомиссара. Так, в ходе путча и в первую неделю после него, когда обстановка все еще была накалена в контексте событий в Рурской области, военные задерживали гражданских, которые выступали против путчистов и призывали ко всеобщей забастовке (коммунистов, членов СДПГ и НДП). Впрочем, число задержанных было невелико. Например, в округе Лабиау 23 марта под стражу было взято всего девять человек [14, Вл. 180]. По требованию рейхскомиссара их постепенно освобождали, последний покинул заключение 3 мая.

Однако в ходе расследования А. Боровский узнал, что еще до путча военные и гражданские власти составили списки неблагонадежных граждан, прежде всего социал-демократов и представителей НДП, которые должны были быть интернированы в случае начала беспорядков. Рейхскомиссар потребовал эти списки у регирунгспрезидентов, чиновники ответили, что у них подобных списков нет. Представители окружного военного командования подтвердили факт составления списков до путча, но указали на то, что во время путча обнаружилось, что сведения, содержащиеся в них, устарели, и в итоге они были уничтожены. Дальнейшие поиски ни к чему не привели.

Третьего июля 1920 г. А. Боровский направил итоговый отчет о проделанной работе рейхспрезиденту Ф. Эберту, в котором признался, что расследование проводилось медленно, во многих случаях дела не удавалось возбудить из-за отсутствия каких-либо надежных документальных доказательств и в этих обстоятельствах он «был приговорен к роли обычного статиста». Интересна его характеристика поведения жителей провинции: «Когда я вступил в должность, это было встречено всем верным конституции населением как знак того, что правительство готово принять беспощадные меры против виновников и участников государственного переворота, собравшихся здесь, в Восточной Пруссии. Однако по мере того, как бездействие властей становилось очевидно, доверие населения к правительству ослабевало и уступало место тем настроениям, которые царили в Восточной Пруссии до 13 марта этого года» [14, Вл. 193].

К отчету прилагались именные списки чиновников и представителей рейхсвера, «против которых начато или предвидится следствие из-за поддержки государственного переворота» [14, Вл. 194–196]. В них включено 88 фамилий местных чиновников и коммунальных служащих (35 человек, из них 17 – ландраты), лесничих (9 человек), а также директоров учебных заведений, учителей, священников. Подозреваемые в причастности к путчу были из разных мест, в том числе по семь человек из Кёнигсберга и Гумбиннена, шестеро из Шталлупёнена, пятеро из Тильзита и т. д.

Судьбы высшего и среднего звеньев провинциальной бюрократии (регирунгспрезидентов и ландратов), поддержавших путч, заслуживают особого внимания. В Восточной Пруссии в то время на три правительственных округа было два регирунгспрезидента. Возглавлявший Кёнигсбергский и Алленштайнский округа Маттиас фон Оппен сохранил лояльность, а руководитель Гумбинненского округа Магнус фон Браун из-за публичной поддержки Каппа в ведомственной газете «Gumbinner Kreisblatt» был отстранен от должности после путча [9; 25, S. 62].

Рассмотрим общую характеристику сорока восточнопрусских ландратов, назначавшихся прусским правительством при одобрении местного крайстага. Это были чиновники среднего возраста (среднее значение — 43 года), имевшие преимущественно дворянское происхождение, в основном беспартийные. Двадцать из сорока заняли свой пост уже после Ноябрьской революции¹. Действия ландратов, обвиненных в причастности к путчу, сводились к тому, что они могли опубликовать в районной ведомственной газете свои личные заявления о поддержке путча или распорядились перепечатать заявления Виннига и Эсторфа. Некоторых из них также обвиняли в том, что они вывесили над зданием своей резиденции черно-бело-красный флаг или объявили о формировании отрядов гражданской самообороны [24, S. 129].

В историографии встречаются разные мнения относительно того, сколько ландратов потеряло свой пост после Капшовского путча. Французский историк Фербёф пишет, что от своих обязанностей были освобождены «все ландраты, кроме четырех», то есть 36 [20, p. 436—437]. Клаус фон Грёбен приводит сведения о двенадцати ландратах [24, S. 127]. По подсчетам автора, после путча своих должностей лишились 14 чиновников: в полном составе было отстранено 11 ландратов из Гумбинненского округа, за ними последовали 3 из Кёнигсбергского округа.

Приведенные данные позволяют, во-первых, обозначить особое положение Гумбинненского округа, он оказался единственным, в котором регирунгспрезидент поддержал Капша, а ландраты ориентировались на действия вышестоящего начальства [24, S. 129—130].

Во-вторых, большая часть отстраненных ландратов (10 из 14) заняла свои посты уже после ноября 1918 г., то есть они были назначены уже новым правительством Пруссии. Этот факт отражает характер кадровой политики прусских властей в первый год после Ноябрьской революции: правительство ради сохранения стабильности стремилось избежать массовых отставок в корпусе ландратов [24, S. 126].

В-третьих, примечательно, что в Алленштайнском административном округе ни один ландрат не потерял свою должность, хотя по своим взглядам они мало чем отличались от их коллег из Гумбиннена², многие были выходцами из дворянской аристократии, по крайней мере, трое состояли в Немецкой национальной народной партии. Можно предположить, что они избежали отставки из-за приближающегося плебисцита.

Необходимо также подчеркнуть, что не все ландраты, обвиненные Боровским в поддержке путчистов, были отстранены от должности: шестью удалось сохранить должности благодаря грамотной юридической защите и хорошо организованной общественной поддержке.

Капшовский путч не рассматривается в историографии как важная веха в истории Восточной Пруссии в период Веймарской республики. Между тем настоящее исследование показывает, что он был проявле-

¹ В НННП состояли: Г. фон Кюлевайн (Зенсбург), В. фон Мирбах (Найденбург), М. Петерс (Люк), Г. Готтхайнер (Йоханнисбург), Г. Роде (Гольдап), Н. Роберт-Горнов (Прейсиш Холланд), О. Константин (Лабиау). В Партии Центра: Й. Вальдхаузен (Рётцель). В СДПГ: Г. Хониг (Мемель).

² О монархических воззрениях ландратов см. подробнее: [29, S. 235—239].

нием постепенно назревавшего конфликта между политическими элитами Кёнигсберга и центральными властями в Берлине. Представители провинции, в частности, А. Винниг, были не удовлетворены исходом Восточнопрусской конференции и, вероятно, были задеты пренебрежительным отношением со стороны министров. Провинциальные деятели, даже не испытывавшие симпатий к Капшу, увидели в путче надежду на установление новых отношений между центром и периферией, тем более, что члены нового правительства были им «классово близкими» и имели давние связи с восточнопрусским истеблишментом.

Несмотря на то, что путчисты потерпели поражение, речи о сохранении статус-кво во взаимоотношениях Берлина и Кёнигсберга не шло. Под лозунгом демократизации правительство Пруссии назначило на пост обер-президента искреннего демократа и сторонника республики Э. Зира. В период его правления (1920–1932) будут расширены полномочия обер-президента, начнется активное восстановление восточнопрусской экономики, провинциальные и центральные власти совместно будут организовывать программы помощи провинции. Однако на среднем уровне бюрократии, в корпусе ландратов, кадровые изменения не приобрели характера чистки. Во многих случаях комиссия Боровского не смогла привести неопровержимые доказательства виновности подозреваемых, настоящие сторонники путчистов тихо покидали свои должности и впоследствии продолжали делать политическую карьеру. Для чиновников в Алленштайнском округе индульгенцией на освобождение от наказания стал чрезвычайно успешный для немцев плебисцит о государственной принадлежности Вармии и Мазур, состоявшийся 11 июля того же года.

Таким образом, Капшовский путч стал завершением определенного периода во взаимоотношениях между восточнопрусскими и центральными политическими акторами. Этот период связан с неудачными попытками обер-президентов А. фон Батоцкого и А. Виннига добиться для себя более широких полномочий в условиях новых вызовов после Первой мировой войны. После провала путча и назначения в Кёнигсберг Э. Зира отношения между высшей провинциальной бюрократией и центральными властями стали более доверительными. Однако отсутствие серьезного прогресса в обновлении и демократизации кадров на нижних уровнях провинциальной бюрократии предопределило формирование особой консервативной атмосферы в общественно-политической жизни самой восточной прусской провинции.

Список литературы

1. Винклер Г. А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М., 2013.
2. Гальцов В. И., Сергеев В. В. От войны к революции: Восточная Пруссия в 1917–1918 годах // Труды кафедры истории Нового и Новейшего времени. СПб., 2018. № 18 (1). С. 134–147.
3. Дамье В. В. Немецкие анархо-синдикалисты и рабочие Рура (1919–1920 годы): от Ноябрьской революции до Капшовского путча // Новая и Новейшая история. 2020. № 5. С. 76–97.

4. Костяшов Ю. В. Геополитические последствия войн XVIII—XX веков для Восточной Пруссии // Русский сборник. 2016. Вып. 8/2. С. 228—232.
5. Кретилин Г. В., Макарычев А. С. «400 дней Восточной Пруссии» Августа Виннига: опыт конъюнктурной мемуаристики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. №1. С. 61—70.
6. Панкевич Ф. И. Капповский путч в Германии. М., 1972.
7. Шиндо Р. Расширение компетенции обер-президента провинции Восточная Пруссия в период Веймарской республики // Калининградские архивы. 2008. Вып. 8. С. 92—101.
8. [Eine neue deutsche Partei...] // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1917. 9. September. S. 1.
9. [Herr Regierungspräsident...] // Extra-Blatt zu №11 des "Gumbinner Kreisblatts". 1920. 15. März.
10. Bekanntmachung // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 15. März. S. 1.
11. Bernstein R. Der Kapp-Putsch und seine Lehren. Berlin, 1920.
12. Bundesarchiv. R 1501/20108 (Kriegszustand.- Revolutionäre Streiks, Aufstände und Unruhen, insbes. durch kommunistische und linksradikale Gruppierungen. Band 4. Teil 1).
13. Bundesarchiv. R 43-I/1847 (Ostpreußen, insbes. Hilfsmaßnahmen. Band 1).
14. Bundesarchiv. R 43-I/1848 (Ostpreußen, insbes. Hilfsmaßnahmen. Band 2).
15. Bundesarchiv. R 43-I/1849 (Ostpreußen, insbes. Hilfsmaßnahmen. Band 3).
16. Bundesarchiv. R 601/601 (Erhaltung und Förderung des Deutschtums in den abgetretenen Ostprovinzen).
17. Ein Tilsiter Stadtverordneten-Beschluß // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 20. März. S. 8.
18. Erger J. Der Kapp-Lüttwitz-Putsch. Ein Beitrag zur deutschen Innenpolitik 1919/1920. Düsseldorf, 1967.
19. Fahnenwechsel am Königsberger Schloß // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 14. März. S.
20. Ferrebeuf F. Le district de Königsberg en Prusse-Orientale. Strasbourg, 2023.
21. Forderung der Mehrheitssozialisten // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 20. März. S. 5.
22. Gause F. Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preußen. Band III: Vom Ersten Weltkrieg bis zum Untergang Königsbergs. Köln, 1996.
23. Gietinger K. Kapp-Putsch: 1920 — Abwehrkämpfe — Rote Ruhrarmee. Stuttgart, 2020.
24. Groeben K., von der. Verwaltung und Politik 1918—1933 am Beispiel Ostpreußens. Kiel, 1988.
25. Hertz-Eichenrode D. Politik und Landwirtschaft in Ostpreußen 1919—1930. Untersuchung eines Strukturproblems in der Weimarer Republik. Wiesbaden, 1969.
26. Historisches Flugblatt der SPD vom 13. März 1920. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Kapp-Putsch-Plakat_Lehnert.jpg (дата обращения: 01.05.2024).
27. Jansen R. Der Berliner Militärputsch und seine politischen Folgen. Berlin, 1920.
28. Klatt R. Ostpreussen unter dem Komissariat. Heidelberg, 1958.
29. Kossert A. Ostpreußen: Geschichte und Mythos. München, 2005.
30. Oberpräsident Winnig: neutral // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 13. März. S. 3.

31. Orlow D. Preussen und der Kapp-Putsch // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1978. Jahrgang 26. Heft 2. S. 191 – 236.

32. Winnig A. 400 Tage Ostpreussen. Dresden, 1928.

33. Winnig A. Heimkehr. Berlin, 1935.

34. Winnigs Parteiverrat // Volkswacht. 1920. 30. März. S. 3.

Об авторе

Яков Геннадьевич Шепель — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: iakovshep@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9160-2140>

80

Ia. G. Shepel

THE KAPP PUTSCH IN EAST PRUSSIA: POLITICAL CONSEQUENCES

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 12 June 2024

Accepted 18 July 2024

doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-6

To cite this article: Shepel Ia. G. 2024, The Kapp Putsch in East Prussia: political consequences, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №3. P. 70 – 80. doi: 10.5922/vestnikhum-2024-3-6.

Based on archival documents, materials from regional and national German press, and personal sources, the article examines the reactions in East Prussia to the Kapp Putsch of 1920, which aimed to overthrow the legitimate government of the Weimar Republic. Unlike most other German territories, the putschists in East Prussia were supported by many representatives of the regional political elite and bureaucracy. The article attempts to explain the reasons for this anomaly and to identify the consequences of the support for the putsch by part of the local political actors on the further development of the province. The article concludes that the putsch had a significant impact on East Prussia, serving as a manifestation of the growing conflict between the regional elite and the central authorities in Berlin. The defeat of the putschists and the changes in the composition of the East Prussian bureaucracy made by the republican government marked the beginning of a new phase in the relations between the state capital and the East Prussian province.

Keywords: August Winnig, Weimar Republic, Wolfgang Kapp, East Prussia, Kapp Putsch, Königsberg

The author

Iakov G. Shepel, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: iakovshep@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-9160-2140>